

«Похвала Ижерской земле  
и царствующему граду  
Санкт-Петербургу»  
В.К. Предиаквского

Предметом нашего внимания будет одическая традиция в изображении Санкт-Петербурга. При обращении к литературному «петербургскому тексту» она обычно оказывается мало популярной. И читателя, и исследователя заметно больше привлекают Петербург Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Андрея Белого, А.А. Блока, В.В. Набокова и др. Согласно В.Н. Топорову, вообще «начало петербургскому тексту было положено на рубеже 20–30-х гг. XIX в.», а на протяжении XVIII в. можно говорить лишь о развитии *темы* Петербурга в литературе (1). Между тем очевидно, что уже в XVIII – начале XIX вв. спектр проблемно-тематических разворотов петербургской тематики, и прежде всего в поэзии, обладал системностью и создал свой достаточно целостный «метатекст». Основой его явилась как раз одическая традиция. Исторически именно она стала краеугольным камнем, отправной точкой в развитии литературного образа Петербурга. И внутренняя противоречивость, драматизм этого образа в дальнейшем определяется во многом оттачиванием, противостоянием ей.

При этом, однако, эта исторически первая традиция и позже сохранила собственную актуальность. Одические интонации, хотя и осложненные позднейшими напластованиями, продолжают звучать в стихах о Петербурге не только XIX, но даже и XX века (у В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, С. Соловьева, Б.К. Лившица, М.Г. Чехонина, Ю.К. Терапиано и других).

Центром петербургского «одического текста», выразившим его пафос наиболее последовательно и сгущенно, стал жанр юбилейной оды Петербургу. К традиции юбилейной петербургской оды, встречающейся на протяжении двух с половиной веков, мы и обратимся.

Предметом нашего внимания будет произведение, которое примечательно своим местом в этой традиции — ода В.К. Тредиаковского «Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу». Она — первая в этой цепочке, ею эта жанровая традиция открывается. Написанная в 1752 году, к празднованию 50-летия со дня основания Петербурга, она во многом послужила прообразом жанра петербургской оды вообще. Соответственно, интересно установить, в какой мере она оказалась значимой для позднейших петербургских од.

О месте и роли Тредиаковского в истории отечественной словесности выяснено, как представляется, далеко не все. Долгое время его имя, полузабытое и воскрешаемое, как правило, только при изложении истории русской версификации и реформирования силлабики в силлаботонику, у широкого читателя вызывало смутные и нередко комичные ассоциации (продолжавшие инерцию прижизненного шельмования поэта и связанные, в частности, с несовершенством его стиля).

В хрестоматийную классику он для широкого читателя вошел через насмешки Швабрина над любовным опусом Петруши Гринева в пушкинской «Капитанской дочке». Фигура его шаржировалась, творчество — пародировалось. А позже забывалось. Тредиаковский умер, как известно, в одиночестве, не оставив не только школы, но и учеников.

Однако по прошествии двух столетий, в перспективе большого исторического времени, уточняется рельеф развития русской словесности. И постепенно Тредиаковский начинает обретать в ней свое весьма значительное место. Симптоматично, что празднование 300-летия поэта было ознаменовано двумя юбилейными конференциями (в ИМЛИ и Пушкинском Доме) и появлением работ, посвященных анализу его историко-литературной роли (2). В современном литературоведении все более настойчиво звучит (идоказывается) тезис о глубинной интуиции Тредиаковского и прозорливости, определивших экстраполяцию его новаций в дальнейшей литературной жизни. Как справедливо замечает О.Б. Лебедева, «многие черты его поэтического стиля и эстетического мышления найдут своих наследников через два, а то и три литературных поколения» (3). Этот разрыв — в два, а то и в три поколения — многое объясняет.

Творчество Тредиаковского в его отношении к истории литературы пестрит примерами парадоксальности, которая снимается

только в случае разведения «ближнего» и «дальнего» исторических контекстов. Тогда становится очевидным несоответствие его непосредственного («ближнего») влияния на современников — роли его творчества в масштабах большого исторического времени.

Необычностью и парадоксальностью отмечено и место нашего непосредственного предмета — «Похвалы Ижерской земле...» в историко-культурном контексте. Это утверждение может показаться странным: что может быть естественнее для секретаря Российской Академии наук, профессора «латинския и российския элоквенции», первого русского литератора-профессионала, приближенного ко двору, как создание похвальной — приветственной — оды к пятидесятилетнему юбилею столицы Российской империи? И, однако, в ситуации середины XVIII века «Похвала...» оказалась практически не замеченной и не востребованной.

Дело в том, что юбилей Петербурга в 1753 году попросту не отмечался. Документы эпохи не сохранили никаких свидетельств о том, что это 50-летие Петербурга осознавалось современниками как событие — праздника как такового не было. В декабре 1752 года императрица Елизавета Петровна, после долгих приготовлений, отбыла вместе с двором в Москву, где и пробыла до 19 мая 1754 года (4).

Это было связано с рядом причин, но прежде всего с тем, что обычая отмечать юбилей города в России к этому времени еще не существовало. По-видимому, его не знала и Европа, города которой возникали и разрастались органично, постепенно. Петербург же был городом, возникшим запланированно, разово — он самой своей необычной историей позже спровоцировал появление обычая отмечать «день рождения» города. Этот ритуал возвращал последующие поколения к ситуации появления города, мифологизировал его — и, главное, фигуру основателя, Петра I.

Как известно, Елизавета, на чье царствование пришелся полувековой юбилей «города Петра», к этому не стремилась. И политика, и создаваемый ею собственный образ во многом противостояли петровским устремлениям; во всяком случае, демонстрировать преемственность петровских начинаний Елизавета не была склонна.

Таким образом, юбилейная Петербургская ода Триаковского — явление для своего времени нетиповое, нехарактерное, хотя и предвосхитившее позднейшую традицию. Не исключено, что инициатива Триаковского в какой-то мере провоцировалась и чисто

личными причинами: он был ровесником Петербурга, и в феврале 1753-го сам справил свое пятидесятилетие...

Конечно, пафосно-торжественное отношение к теме Петербурга, изначально закрепленное за образом новой столицы в литературе и культуре эпохи, не было изобретением Тредиаковского. Но образец целостного текста, жанровую модель юбилейной оды Петербургу предложил все же именно он. А это вызывает интерес к ее поэтике, требует обращения к анализу ее композиции, сюжета — в сопоставлении, во-первых, с традицией торжественной оды, какой ее воспринял Тредиаковский; во-вторых — с последующими текстами той же жанровой ориентации.

Первое естественнее всего сделать, опираясь на свидетельства самого Тредиаковского. Не только поэт, но и теоретик, он, в соответствии с тенденциями эпохи, мыслил теорию и практику в их органичном единстве. Его первое (двухтомное) собрание трудов — «Сочинения и переводы как стихами так и прозою Василья Тредиаковского» вышло в Петербурге в 1752 году «Похвала Ижерской земле...», до того нигде не печатавшаяся, вошла в это издание в составе раздела «Оды похвальные», открывавшего собой второй том. В разделе этом помещены: «Ода I — торжественная о злоче города Гданска 1734»; далее — теоретическое «Рассуждение об оде вообще» (впервые опубликованное как приложение к оде на сдачу Гданьска при ее первой публикации в 1734 г.); далее — «Ода II. Похвала цветку Розе»; «Ода III. Похвала торжествующей правде над лжею»; наконец, «Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу». За ней следуют, завершая раздел, еще две оды с уточняющими жанровыми подзаголовками: ода V — «приветственная» (на коронацию Елизаветы) и ода VI — «благодарственная». Все они принадлежат к разряду «Од похвальных» — в отличие от духовных (или, по терминологии Тредиаковского, «Божественных»), составляющих другой раздел тома.

Включенное в раздел «Од похвальных» «Рассуждение об оде вообще» трактует жанр оды предельно широко.

«Ода есть совокупление многих строф, состоящих из равных, а иногда и неравных стихов, которыми описывается всегда и непременно материя благородная, важная, редко нежная и приятная, в речах весьма пиитических и великолепных (...) Благородством Материи и высокостью речей не разнится от Эпической поэзии, но

толко краткостию своею, также и родом стиха (...) Всякая мирская песня... подобна есть оде. Но содержание оды — высокое» (5).

Широта возможной тематики похвальных од продемонстрирована самим составом раздела. Высота содержания, «благородство» и «важность» материи определяются Тредиаковским в соответствии с системой ценностей всякого человека: это и природа (роза), и нравственные качества (правдивость), и важнейшие события государственной жизни. Разработанная к этому времени французами (и прекрасно известная Тредиаковскому) теория классицистической оды таким образом сведена им к достаточно общим постулатам, оставляющим простор для разнообразия в области тематики и формы.

Имеет смысл сопоставить «Похвалу Ижерской земле...» с рядом более поздних «похвальных», и в первую очередь юбилейных од Петербургу. Среди них выделим прежде всего сходные — доминантные — черты, составляющие модель жанра.

Это, во-первых, интонация, пафос. «Петербург вошел в русскую литературу и “прожил” в ней весь XVIII в. на максимально мажорной ноте. Смысл творческой задачи авторами XVIII в. виделся в том, чтобы найти оригинальные приемы, образы, сравнения для передачи понятного и близкого всем: удивления и восторга» (6).

Все одические тексты близки стилистически: изобилуют восклицаниями, риторическими вопросами, подчеркнута экспрессивны.

Далее, их отличает общий мотивно-тематический комплекс. Обязательной принадлежностью петербургского одического текста является фигура Петра, отсылка к ситуации основания города; связанный с возникновением города мотив чудесного; тема Невы; тема России — в ее отношении к новой столице. Как правило, возникают параллели с Москвой: Петербург, как известно, сразу вошел в культурное сознание как ее противоположность (7).

М.В. Отрадин отмечает также как характерную для одической разработки образа Петербурга обращение к теме времени — прошлого, настоящего и будущего. В этот тематический круг входили и стремительность строительства, и «заглядывание» в будущее. Тема эта органично смыкалась с мотивом чудесного. «В поэтических произведениях различных авторов XVIII в. настойчиво утверждается исключительность, необычность петербургской жизни. Предлагается своеобразная концепция относительности: здесь, в новой столице России, иное время, жизнь идет с другой скоростью.

В отличие от других столиц мира здесь десять лет — значительный срок, полвека — очень большой, а век — просто громадный» (8).

Все это находим в оде Третьяковского — первой в этом ряду.

Наконец, в высшей степени характерным для жанра оказывается стремление к идеализации образов Петербурга и его создателя. Этот момент также более чем характерен для «Похвалы Ижерской земле...», в которой предприняты попытки увидеть устраненными даже очевидные климатические недостатки:

Студен воздух, но здрав его есть род:  
Осушены почти уж блага мшисты (9).

По многим ведущим параметрам «Похвала Ижерской земле...» Третьяковского моделировала жанр «петербургской оды». Вместе с тем можно заметить и ряд специфических отличий «Похвалы...» от всего ряда последующих текстов этой жанровой ориентации — во всяком случае, допущинского времени. Чтобы их выявить, сопоставим ее с одой С.С. Боброва «Торжественный день столетия от основания града Св. Петра майя 16 дня 1803», написанной к празднованию первого официального юбилея города, через 50 лет после оды Третьяковского.

Собственно русская одическая традиция, канонизированная к этому времени под влиянием уже не Третьяковского, а Ломоносова, была гораздо более строгой, «узкой» — и по содержанию, и по форме. И при наличии той же мотивно-тематической основы, проблематики, интонации можно увидеть различия между этими двумя текстами в сюжетно-композиционном строе. Обращают на себя внимание, во-первых, характерная для Боброва и остальных одических Петербургских текстов классического образца XVIII в. насыщенность аллегорическими и мифологическими образами, в то время как «Похвала...» Третьяковского от них свободна; а во-вторых, сюжетно-композиционная последовательность расположения мотивов, текстовая динамика, формировавшая внутреннюю логику целого.

Бобров в самом начале своей оды вводит аллегорический образ «дщери Петрополя», которой и принадлежит последующий рассказ о чудесном возникновении города, его славном развитии и о его создателе (финальное двустушие «Так дщерь Петрополя рекла...») замыкает композиционное кольцо. Рассказ «дщери» начинается

с информации о столетнем юбилее Петербурга; сразу же появляется его создатель — «Петр, полночный наш Алкид». Петербург входит в сюжет сразу как столица империи:

...Град державный,  
Престол полмира, через век  
На степень доблести востек (10).

Система координат задается как общенациональная, государственная, а контекст — историко-культурный, мировой («дивятся царства изумленны...»). Что же касается природы, то она мыслится в состоянии подчиненном: при виде «стен» (набережных) сама Нева намеревается «течь назад».

Иное — у Третиаковского. К изображению Петербурга и Петра он подводит читателя постепенно; оба образа возникают на более общем фоне, поданы как «производные» от мира природы и национальной истории. Уже в заглавии Петербург возникает как часть, принадлежность «Ижерской земле»; ее же мы встречаем и в текстовом зачине:

Приятный брег! Любезная страна!  
Где свой Нева поток стремится к пучине.

«Приятный», «любезный» — всякому человеку; это — сфера его частного чувствования, никак пока не соотносимого с идеей государственности, империи.

Эта последняя возникнет только в конце катрена:

О! прежде дебрь, се коль населена!  
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Тема природы, однако, с появлением «града» отнюдь не умаляется, а напротив, получает развитие:

Немало зрю в округе я доброт:  
Реки твоей струи легки и чисты;  
Студен воздух, но здрав его есть род:  
Осушены почти уж блата мшисты.

Читателя знакомят, «вводят» в местность, землю, и восхищение ею опирается на непосредственное эмоционально-чувственное восприятие — ход, неуместный для поэтики более поздних торжественных государственных од Ломоносовского образца.

Культурно-исторический контекст возникает в следующем катрене:

Где место ты низвергнуть подала  
Врагов своих блаженну Александру,  
В трофей и лавр там лавра процвела,  
Там почернил багряну ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата  
К полтавским тем полям сия победа;  
Великий сам, о! слава, красота,  
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Здесь и Петр «отрекомендован» при первом своем появлении как продолжатель исторических деяний предшественника — Александра Невского.

Что же касается главного предмета оды — Петербурга, — то он появится — наконец-то! — только в следующем, пятом четверостишии, в антураже подготовленной текстом всеобщей приязни:

Преславный град, что Петр наш основал  
И на красе построил столь полезно,  
Уж древним всем он ныне равен стал,  
И обитать в нем всякому любезно.

Тема полувекового юбилея прозвучит далее, явившись как бы на «пьедестале» комплиментарной характеристики местности, в ее природной и исторической привлекательности.

Таким образом, уникальность самого Петербурга «выстраивается» Третьяковским постепенно, индуктивно — и, что немаловажно, без привлечения мифологической и аллегорической образности. «Город Петра» увиден в соотнесенности с другими европейскими столицами в надежде, что в будущем именно он привлечет их восхищенное внимание и сможет обогатить других «мудростью» «ко всему» (вновь апелляция к общечеловеческим ценностям!).

Что же касается каноничного для оды прямого прославления предмета, то оно отнесено в финал и подано в виде пожелания:

О! боже, твой предел да сотворит,  
Да о Петре России всей в отраду,  
Светило дня впредь равного не зрит,  
Из всех градов, везде Петрову граду (11).

Итак, Петербург Третьяковского славен и привлекателен для поэта (как, очевидно, и для всякого человека) лично, индивидуально, а не только идеологически.

Этот ракурс не нашел сочувствия у современников.

Личное отношение к Петербургу приходит в русскую поэзию позже, по свидетельству М.В. Отрадина (12) — не ранее 1810-х годов (К.Д. Батюшков, П.А. Вяземский, Г.Р. Державин), но заявка на это, как мы видели, содержится уже в оде Третьяковского.

Единственный близкий оде Третьяковского текст той же жанровой разновидности обнаруживаем у А.А. Нартова (1737–1813); это «Похвала Петербургу» (1756):

Блаженна ты, страна! Где дочь живет Петрова,  
Где храм отверст наук, и к ним пространен вход,  
Златые времена уже настали снова,  
Прекрасны здесь поля, древа приносят плод.

Пришельцев всех диви ты зданием ужасным,  
Кто был зиждитель твой, вспомни ты им всем.  
Красуйся ты, о град! И будь всегда прекрасным,  
И век хвалися ты, что был построен кем.

Ты морем и землей россиянам удобен,  
Всяк оком обозри и с ужасом скажи:  
Коль ты прекрасен, град! ты Риму стал подобен,  
И в сердце ты другим любовь в себя вложи.

Сколь много ты сердца россиян утешаешь,  
Сие старается всяк ясно доказать.  
Ты многих царств красой своею превышаешь,  
Потщимся ж мы за то Петру хвалу воздать.

Чтоб слава нам его всечасно воображалась,  
Поставим мы ему премного пирамид,  
Где б славна жизнь его и мудрость начерталась,  
И сим усердия покажем ясный вид (13).

Композиционно ода, написанная тремя годами позже оды Третьяковского, представляет как бы кальку с последней. В ней несложно обнаружить ту же мотивику, ту же внутреннюю логику сюжета и поэтику. Это и «подача» образа Петербурга на фоне государства,

и постепенно-поступательное развитие темы, и идеализация новой столицы без аллегоризма — зато с его способностью «утешать сердца» россиян.

Очевидно, эти совпадения не случайны. А.А. Нартов был одним из самых близких Третьяковскому современников, сочувствовавших и симпатизировавших ему. Сын механика Нартова, сподвижник Петра I, он учился в университете при Академии наук, затем в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Второразрядный поэт, переводчик (преимущественно с французского), он был больше известен как президент Монетного департамента, а позже — президент управления горными заводами и, наконец, президент Российской Академии наук. Об отношениях Третьяковского и Нартова косвенно свидетельствует характерный эпизод. Отдавая в печать свою оду «Вешнее Тепло», Третьяковский, будучи в натянутых отношениях с редактором журнала и опасаясь отказа, передает ее через Нартова, упросив его назваться автором оды, что и было выполнено (14).

Однако нартовская петербургская ода явилась, по-видимому, единственным примером непосредственного подражания «Похвале Ижерской земле» Третьяковского среди современников: предложенную им модель она не закрепила.

На протяжении второй половины XVIII в. петербургская тема развивается в русской поэзии в русле одической традиции Ломоносовского образца с ее пафосом государственности, идеологическим стержнем, аллегорическим и мифологическим антуражем, канонизированной одической строфой. Лишь в первые десятилетия XIX в. роль этой традиции под натиском предромантических и романтических устремлений ослабевает. И тогда-то Петербург начинает все настойчивее являться в поэзии предметом личной привязанности, субъективных переживаний.

Подытожил развитие этих двух традиций А.С. Пушкин, соединив их в прологе к «Медному всаднику», где перед читателем последовательно предстают два «сюжета» восхищения Петербургом.

Первый, начинающийся словами:

На берегу пустынных волн...

и второй:

Люблю тебя, Петра творенье...(15) — и далее.

Первая традиция закрепились в истории литературы как сугубо жанровая — одическая. Вторая же соответствовала дальнейшему развитию лирики как выражению субъективного мировидения и мироощущения. На протяжении XIX, XX и XXI веков именно личностное переживание Петербурга станет стержневым содержанием петербургского поэтического текста.

### Примечания

В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной научной конференции «Печать и слово Петербурга» (Санкт-Петербург, 2004).

1 *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб., МСМХСПИ. С. 208.

2 См., напр.: В.К. Третьяковский и русская литература. М., 2005.

3 *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века. М., 2000. С. 96.

4 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 12. М., 1964. С. 164–197.

5 Сочинения и переводы как стихами так и прозой Василья Третьяковского. СПб., 1852. Т.2. С. 30–31.

6 *Отрадин М.В.* Петербург в русской поэзии XVIII — начала XX века // Петербург в русской поэзии. Л., 1988. С. 5.

7 Ср.: «Основною задачею при строительстве Петербурга было стремление устроить его так, чтобы он не походил на Москву» — *Столянский П.Н.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб, 1995. С. 23.

8 *Отрадин М.В.* Петербург... С. 7.

9 Петербург в русской поэзии... С. 49.

10 Там же. С. 39.

11 Там же. С. 26–28. 49, 50.

12 *Отрадин М.В.* Петербург... С. 9.

13 Русская поэзия XVIII века. СПб., 1996. С. 65.

14 *Строчков Я.М.* Примечания // Третьяковский В.К. Избранные произведения. М.–Л., 1963. С. 528.

15 Петербург в русской поэзии... С. 106–107.